

ТОТЕМСКАЯ СТРАНИЦА ИСТОРИИ РУССКОЙ БАЛЛАДЫ («Граф Адольф Полье» Н.А. Иваницкого)*

Произведение, о котором идет речь, входит в состав рукописного сборника стихотворений Н.А. Иваницкого, подготовленного им в пору пребывания в Кадникове. Сборник этот хранится в секторе письменных источников Вологодского государственного историко-архитектурного музея-заповедника [ВГМЗ 33497]. Он меньше по объему другого сборника, обнаруженного в середине прошлого века в бумагах академика А.А. Шахматова [17: X (первая пагинация)]**. Но, в отличие от шахматовского, в котором 40 % поэтических текстов переводные, кадниковский сборник почти целиком состоит из произведений оригинальных (включая одно на немецком языке – «Ich hab' dich erwartet so lange...»). Переводов в нем всего два, оба из Фридриха Рюккерта («Однажды жил храбрец из храбрецов...» и «На куче навозной петух...»). Оригинальное творчество Иваницкого-поэта в обоих сборниках представлено примерно в одинаковом объеме. Баллада «Граф Адольф Полье» входит и в тот, и в другой.

Судя по дате, стоящей на титульном листе, работа над кадниковским сборником была начата в 1888 году, а завершена, согласно помете в верхней части этого листа, 10 сентября 1889 года. Тем же годом датирован и ряд стихотворений, завершающих сборник. На титульном листе есть дарственная надпись: «Многоуважаемому Александру Евграфовичу Мерцалову на память от автора». Не исключено, что именно 10 сентября 1889 рукопись и была подарена этому известному вологодскому краеведу и историку.

Датированная 1869 годом, баллада «Граф Адольф Полье» могла бы находиться в самом начале рукописи, рядом с созданными тогда же стихотворениями «Зимняя ночь» и «Вставала бледная заря...» Но автор поместил ее в конец тетради (л. 49–50). Возможно, он испытывал сомнения относительно включения баллады в сборник и отбросил их лишь на последней стадии работы над рукописью.

Баллада заметно выделяется на общем фоне поэтического творчества Иваницкого, в котором доминирует лирика элегического характера. В данной связи представляется уместным обратить внимание на следующие моменты: 1) как поэт Иваницкий к жанру баллады тяготения не испытывал, и «Граф Адольф Полье» является скорее пародией на жанровый канон, чем

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-04-00364 «Вологодский текст в русской словесности»).

** Таких сборников было несколько, сведения о еще одном из них, по-видимому, утраченном, содержатся во вступительной статье Я. Кузьмина и И. Перфильева к публикации «Записок» Иваницкого, там же цитируются целиком и фрагментарно некоторые его стихотворения [11, кн. 2: 13–15].

примером следования ему; 2) со стихотворениями, вынесенными в конец сборника («А.О. К<острову>ву», «Город мертвых» и др.), данное произведение сближает наличие социально-обличительного пафоса; 3) оно отсылает читателя к фактам и обстоятельствам, нуждающимся в пояснениях.

Вот текст этого произведения.

ГРАФ АДОЛЬФ ПОЛЬЕ

Баллада

(посвящается Д.К. Гирс)

*"This is nothing but dreaming:
Let us on by this tremulous light".*

Poe

Графиня Шувалова в полночь пришла
К могиле усопшего друга
И, тихо склонившись над холодной плитой,
Звала дорогого супруга:

«Вставай из могилы, мой милый Адольф,
Вставай, ненаглядный, скорее!
Мы в тихом сиянии луны золотой
Пройдемся по темной аллее...»

Выходит из гроба покойный Адольф.
Кафтан на нем, золотомшитый,
На черепе полуистлевший парик,
И плащ на нем, молю избитый.

Он, руку согнувши, ее подает
Графине, бряца костями;
Из темного склепа, выходят они
И тихо идут меж кустами.

И томно графиня ему говорит:
«Скажи же мне что-нибудь, милый!
Ведь мы так давно не видались с тобой,
И что ты так смотришь уныло?»

Вгляни: меж деревьев как месяц блеснит,
А там вон звезда золотая...
О, будь ты лишь ангел мой добрый со мной,
Не надо б тогда мне и рая!»

И мрачно в ответ ей Адольф прошептал:
«Я рая врагу не желаю!
Я в царстве небесном уж сорок пять лет
Со скуки совсем умираю...

Гуляем мы с Богом в прекрасном саду,
Гуляем, гуляем — и только.
А как бы другой раз хотелось мне
Кадриль проплясать или польку...

Хотел бы хорошего выпить винца,
В картишки сыграть, посмеяться,
Но Бог по глазам мои мысли прочтет
И скажет: читай-ка, брат, святцы!

Ты знаешь, как Гейне, великий поэт,
Описывал рай несравненно?
Я сдуру поверил, и каюся в том
Теперь я и ночью, и денно».

Графиня со страхом взглянула в глаза
Супругу, свой шаг замедляя.
«Ведь духам бесплотным в господнем раю
Не надобна пища земная?»

«Какие тут духи — отвечивал граф
И плюнул как будто с презреньем.—
Как нету с полвека ни крошки во рту,
Так станешь бесплотным виденьем!

Ведь все эти духи — поповский обман.
Мы просто — глупейшее тело,
И уж “созерцанье” хваленое мне?
По правде сказать, надоело.

Нет, рай христианский — пресквернейший рай!
То ль дело в раю Магомета...
И я бы обратно туда перешел,
Когда б лишь позволили это...

Как счастливы люди, что живы еще,
Что могут земным наслаждаться!
Однако, ты слышишь, поют петухи,
И мне уж пора убираться...»

И, тяжело вздохнувши, Адольфова тень
В могилу свою опустилась.
Графиня же долго в сияньи зари
За милого друга молилась.

В балладе соблюден свойственный жанру фантастический антураж, но у нее есть и реальная историко-бытовая основа. Оба ее персонажа – реальные лица. Варвара Петровна Шувалова (1796–1870) была дочерью князя, действительного камергера Петра Федоровича Шаховского и внучкой богатого горнозаводчика барона А.Г. Строганова. В 1815 году она стала женой графа Павла Андреевича Шувалова. В 1823 году граф скончался, графиня уехала за границу и там, страстно влюбившись в швейцарского француза графа Адольфа Полье и получив от императора Николая I разрешение на брак с иностранным подданным, вышла за него замуж. В 1827 году супруги приехали в Россию. Полье стал российским подданным, пользовался расположением монарха, был определен на службу в министерство финансов и удостоился высокого придворного звания камергера. Затем он получил должность церемониймейстера Высочайшего двора и был награжден орденом св. Анны 2-й степени. Супружеское счастье длилось немногим более трех лет. В 1830 году, совершая поездку по владениям жены на Урале, граф заболел и умер.

По заказу неутешной вдовы в ее Парголово имении под Петербургом над склепом усопшего была воздвигнута церковь в готическом стиле. Проект склепа и церкви разработал архитектор А.П. Брюллов, старший брат знаменитого художника К.П. Брюллова [1]. Графиня Шувалова-Полье часто посещала склеп и молилась над прахом безвременно почившего мужа. Работы по возведению церкви были завершены к 1833 году. Но задолго до этого срока распространились слухи, согласно которым знаки скорби, демонстрируемые графиней, заслуживали не сочувствия, а насмешки. Об этом свидетельствует, например, запись в дневнике А.М. Грибовского от 16 августа 1831 года: «Пришел обедать Ан<дрей> Кон<стантинович> Крыжановский [директор Медицинского департамента. – С.Б.] и пожелал ехать в Парголово, за 8 верст от заставы по Выборгской дороге. Поехали поздно, приехали туда ночью и ничего не видали, кроме освещенного дома помещицы, вдовушки после двух мужей: графа Шувалова и учителя графа Полье, француза, после которого она сама не хотела жить и целый год ходила на могилу его оплакивать; но сыскался живой утешитель, который вывел из памяти мертвого» [3: 130].

Бывший статс-секретарь Екатерины II А.М. Грибовской по отношению к графу Адольфу Полье не совсем справедлив. Его дневниковая запись пересыпана «солью светской злости», и в ней, по-видимому, дает о себе знать раздражение близких к императорскому двору кругов, вызванное быстрым продвижением «выскочки-иноземца» по лестнице чинов, почетных должностей и званий. Учителем Полье не был и к разряду «побродяг», которых берут «и в дом, и по билетам», не принадлежал. Он происходил из древнего рода, его отец обладал значительным состоянием и много сил, времени и средств отдавал изучению культуры Индии. Сам граф участвовал в наполеоновских войнах, затем по поручению Королевского генераль-

ного штаба занимался стратегическими работами на территории Франции. Он был весьма образованным человеком, прекрасно рисовал, живо интересовался наукой, общался с выдающимся естествоиспытателем Александром фон Гумбольдтом, хорошо разбирался в минералогии и способствовал открытию первого в России месторождения алмазов на Урале [2: 465]. Не приводит Грибовской и подтверждений тому, что уже через год после смерти Полье «сыскался живой утешитель» графини. Возможно, он просто передает одну из сплетен, забавлявших петербургское светское общество. Очередной повод для злословия по поводу глубоко переживаемого В.П. Шуваловой горя, появился позднее, когда она находилась за границей. 17 марта 1834 года А.С. Пушкин записал в дневнике: «Из Италии пишут, что графиня Полье идет замуж за какого-то принца, вдовца и богача. Похоже на шутку; но здесь об этом смеются и рады верить» [19: 322]. Последняя фраза показательна, она свидетельствует о том, что Варвара Петровна Шувалова продолжала оставаться объектом светского злословия на матримониальную тему. Замуж она действительно вышла, но спустя два года. Ее третьим и последним супругом стал чрезвычайный посланник Королевства обеих Сицилий в Петербурге князь Бутера ди Ридали Джорджио Вильдинг. Этот брак также оказался недолгим, князь умер через пять лет, княгиня Варвара Петровна пережила его почти на три десятилетия, скончалась в 1870 году и была похоронена в Висбадене.

В 1869 году, когда Иваницкий писал свою балладу, она была еще жива, но толки о ней уже утратили свою актуальность. Наступили новые времена, пробудившие новые интересы. Повод для воспоминаний о Варваре Петровне и ее втором муже давала лишь готическая церковь Петра и Павла, склеп, который гуляющая в Шуваловском парке публика прозвала Адольфовой могилой (ассоциативная переключка с названием оперы А.Н. Верстовского «Аскольдова могила»), а также Адольфова гора и Адольфова аллея – следы преобразований в имении, начатых, но незавершенных Полье.

Однако в сознании современников та давняя история запечатлелась как примечательный факт жизни дворянского общества тридцатых годов XIX столетия. Ей, например, уделила специальное внимание в своих воспоминаниях М.Ф. Каменская, дочь художника Ф.П. Толстого, того самого, кисть которого А.С. Пушкин в главе четвертой романа «Евгений Онегин» назвал «чудотворной». Воспоминания эти она писала в начале 1890-х годов, в преклонном возрасте, от парголовских событий, приобретших благодаря молве анекдотическую окраску, ее отделяли шесть десятков лет. Но рассказывала мемуаристка о них с увлечением, свидетельствующим о том, что она придавала им значение историко-культурных фактов, заслуживающих сохранения в памяти поколений. Не без иронии Каменская описывает «чудеса, которые творила вдовствующая графиня Полье... на первых порах своего неистового горя по боготворимом муже» [14: 153]. Среди

этих «чудес» были и пустая могила, предназначенная неутешной вдовой для самой себя, и тропические растения, украшавшие грот снаружи и внутри, и ночные lamentации у гроба покойного, осыпанного светящимися червячками, которые ежедневно собирались крестьянскими ребятишками по окрестностям и обеспечивали им немалый для того времени доход (по пятиалтынному за штуку). Есть в рассказе Каменской и «мистические» мотивы, позволяющие наметить образную связь между ее воспоминаниями и балладой Иваницкого. Это «трагикомедия», разыгранная «шалопаями-студентами», решившими подшутить над скорбящей в ночном гроте вдовой: «Вот раз, перед приходом графини, забралась проказники в грот, сдвинули плиту с пустой могилы, один из них спрыгнул в склеп и притих, а другие задвинули над ним плиту и попрятались... Приходит графиня; как всегда, плачет, рыдает и упрекает обожаемого супруга за то, что он покинул ее одну на белом свете... И вдруг из недр земли страшный замогильный голос отвечает:

— Я здесь, я жду тебя, приходи ко мне!..

Быстрее молнии улепетнула вдова из грота, студенты с громким хохотом убежали восвояси по Адольфовой аллее...

С тех пор графиня в грот ни ногой...» [14:154]

Включение в текст воспоминаний рассказа о чудачествах графини Шуваловой-Полье мемуаристка мотивирует тем, что о них, «может быть, и не все знают». Сама она была наслышана обо всем творившемся у «Адольфовой гробницы» в первое время после его смерти, потому, что не раз вместе семьей проводила лето на даче в Парголово. Но можно не сомневаться, что те, кому доводилось слышать рассказы о забавных проявлениях супружеской любви и верности, имевших место в парголовском парке, с удовольствием пересказывали их своим близким и знакомым.

Каким-то образом они дошли и до Иваницкого. Он мог слышать их в годы отрочества и юности, проведенные в Петербурге (с 1858 по 1868 годы). О них ему могли рассказать петербуржцы, отбывающие вместе с ним ссылку в Вологодской губернии. Одним из таких ссыльных был Дмитрий Константинович Гирс, которому баллада «Граф Адольф Полье» посвящена. Гирс, выпускник 1-го кадетского корпуса и Инженерного училища, послуживший некоторое время в саперном батальоне и побывший слушателем Академии Генштаба, выбрал в конце концов поприще литератора, публиковался в журнале «Русский вестник» и в газете «Неделя», прославился как автор романа «Старая и юная Россия», две части которого были напечатаны в редактируемом Н.А. Некрасовым и М.Е. Салтыковым-Щедриным журнале «Отечественные записки» за 1868 год. Он попал в Тотьму за речь, произнесенную на похоронах Д.И. Писарева, и пробыл здесь, по свидетельству Иваницкого, около года (с зимы 1869 до зимы 1870). Они много общались, и Иваницкий в своих записках отвел рассказу о товарище по ссылке целую главу. Когда он пишет: «...слово Тотьма та-

кое же многозначашее в моей жизни слово, как для какого-нибудь студента слова: Харьков, Петербург, Берлин, Гейдельберг», [11, кн. 2: 35] – то имеет в виду не только самообразование, которым в этом уездном городке Вологодской губернии усиленно занимался, но и людей, сыгравших большую роль в его духовном развитии. К их разряду принадлежал и Д.К. Гирс, который, по свидетельству его биографа, «среди литераторов 60-х годов <...> выделялся своим блестящим образованием» [9: 235]. Он был старше Иваницкого на десять с половиной лет. Тем не менее, Иваницкий относился к нему с некоторой долей иронии и даже превосходства, считая его человеком романтического склада, не очень хорошо приспособленным к прозе жизни. Это не совсем согласуется с мнением биографа Гирса, который отмечал его крайнюю невзыскательность, пренебрежение к материальным благам и приспособляемость к любым условиям, в которых ему приходилось жить [9: 235]. Насмешливый тон задан Иваницким уже в описании впечатления, порожденного рассказами Гирса о себе при первой встрече с тотемскими ссыльными: «В Петербурге у него осталась невеста, красавица собой, необыкновенного ума и образования, девушка, воспитанница графа Кушелева-Безбородко. Теперь она в отчаянии, и сам Гирс тоже в отчаянии. Чтобы успокоить свои потрясенные этим отчаянием нервы, он взял в Вологде в аптеке несколько склянок *Cali bromati* и теперь пьет это лекарство. Как он будет жить в Тотъме – неизвестно, но один вид ее его ужасает и, так сказать, парализует действие бромистого кали, так что он, Гирс, вероятно сляжет. Между тем роман его остановился на самом интересном месте, публика требует продолжения, негодует на журнал, и Некрасов в отчаянии. А разве можно работать в снежных сугробах, на берегу какой-то Песей-денги, в двух с половиной верстах от северного полюса. От всего этого можно просто помешаться» [11, кн. 3–4: 37]. Тон этот последовательно выдержан в «Записках» Иваницкого и в дальнейшем, несмотря на то, что, как он сам признается, именно Гирс помог ему осознать себя как поэта. В пользу товарища по ссылке Иваницкого мог расположить и герой романа «Старая и юная Россия» Василий Теленев, упорно работающий над собой и педантично занимающийся самообразованием. Страницы, где характеризуется образ жизни Теленева, обнаруживают поразительное сходство с тем, как описывает Иваницкий свой распорядок жизни в Тотъме [7: 391–393; 11, кн. 3–4: 30–32]. Однако ни сам Гирс как личность, ни повод, по которому он попал в ссылку, ни его роман высокой оценки Иваницкого не удостоились. К Писареву он относился весьма критически (много идей Писарева не разделяю и вообще не считаю Писарева реформатором [11, кн. 2: 21–22]), наличие таланта романиста в авторе «Старой и юной России» не признавал («Легкие очерки из военного быта, корреспонденции с театра войны, фельетоны – вот его область, философские же романы – это не дело Гирсов» [11, кн. 3–4: 40]). Не считал Иваницкий достойными серьезного отношения и сердечные дела Гирса. Это побудило его подчеркнуть разни-

цу между тем, как описывал сам Гирс свою невесту, и собственным впечатлением от ее портрета (по-видимому, фотографического): «Когда я взглянул на этот портрет, то вовсе не признал изображенную на нем барышню за красавицу. Это была просто пухлая мордашка с целой копной какой-то путаницы на голове. Одна эта копна свидетельствовала, что под нею тоже кроме путаницы ничего быть не может. Но Гирс был поэт, и ничего нет удивительного, если его горячая фантазия манекена превратила в ангела» [11, кн. 3–4: 38]. Ироническая окраска придана и словам Иваницкого о «счастливом» исходе любовной истории Гирса: «Зимой 1870 г. Гирс по своей просьбе был переведен в Арзамас. Здесь он прожил недолго, вернулся в Петербург и женился на своем совершенстве» [11, кн. 3–4: 57].

В вопросах любви Иваницкий был более близок к позиции тургеневского Базарова, чем к воззрениям всех трех Кирсановых, и вполне мог вместе с ним удивляться, «почему не посадили в желтый дом Тоггенбурга со всеми меннзингерами и трубадурами?» [21: 231]. Гирс, по его представлениям, относился именно к тогенбургскому типу влюбленного, без меры идеализирующего предмет своего обожания. Баллада «Граф Адольф Полье» стала своеобразным высказыванием Иваницкого по вопросам любви и брака. В ней иронической интерпретации подверглась не только театрально обставленная и словно бы стилизованная под известное произведение Шиллера и Жуковского супружеская скорбь графини Шуваловой, но и романтическая воодушевленность Гирса.

Впрочем, вполне возможно, что за насмешливостью Иваницкого крылась и его личная драма. О том, что ему не были чужды любовные переживания, свидетельствует его лирика. Но отношения с женщинами у него не складывались. И касалось это не только его собственных сердечных дел. Не была, по-видимому, благополучной семейная обстановка в родительском доме. Дядя Николая Александровича, сразу же после того, как его отец вступил в брак, записал в своем дневнике: «Свадьба несчастная: брат жестоко ошибся» [13: 307]. «Ошибка» эта, скорее всего, заключалась в резком несходстве типов личности. Супруг был учителем вологодской гимназии, тяготеющим к занятиям наукой и литературным творчеством и страдающим от нравов той среды, в которой ему приходилось жить и работать. В его повестях, публиковавшихся в столичных журналах, содержалась резкая критика местного провинциального общества. Супруга же претендовала на роль значимой фигуры этого общества и властно утверждала себя в качестве главы семьи. В сохранившемся дневнике одного из вологодских гимназистов того времени она величается не иначе, как «сама Шарлотта Августовна» [10: 82]. (Девичья фамилия матери Иваницкого – Гейне.) Не было с ее стороны понимания и сочувствия к сыну, попавшему в беду. Иваницкий был убежден в том, что отправлен в ссылку незаслуженно. Мать придерживалась иного мнения. Оказавшись в Вологде, он, отчасти по собственной неосмотрительности, отчасти по стечению обстоятельств, ос-

тался без средств к существованию, голодал и был вынужден писать ей в Петербург, прося о помощи и ссылаясь на право получить свою долю гонорара за издание книги покойного отца. Она не отвечала и отреагировала лишь на телеграмму доведенного до крайности сына: «Наконец, получилось письмо из Петербурга с 25-ю рублями, письмо, полное упреков: сам-де виноват, дескать, что сидишь без денег, но виноват не потому, что отдал свои деньги, а потому, что попал в ссылку» [11, кн. 2: 24]. Судя по запискам Иваницкого, душевной близости с матерью у него не было.

Неудачным оказался и собственный брак Николая Александровича с вологодской дворянкой Н.Н. Зубовой, заключенный в 1880 году [17: X (первая пагинация, примечание 37)]. Печальный опыт общения с женщинами, давал основание Иваницкому для того, чтобы лишь немногих из них причислять к разряду «порядочных» [11, кн. 2: 25]. Перспективы семейной жизни Гирса с «сокровищем», имеющем «путаницу» на голове и в голове, оценивались им скептически. Ночные бдения графини Шуваловой у гроба супруга, также не вызвали уважения и доверия.

В балладе «Граф Адольф Полье» на первый план выдвинут пародийно интерпретированный вопрос о загробном мире. Основная коллизия баллады восходит к эпизоду из песни одиннадцатой «Одиссеи», где герой поэмы, встретившись в царстве мертвых с тенью Ахилла, слышит от нее такие речи:

«О, Одиссей, утешения в смерти мне дать не надейся;
Лучше б хотел я живой, как поденщик, работая в поле,
Службой у бедного пахаря хлеб добывать свой насущный,
Нежели здесь над бездушными мертвыми царствовать, мертвый!».

(Перевод В.А. Жуковского) [8: 228].)

Но антураж произведения Иваницкого не античный, а балладный, средневековый, подсказанный, возможно, архитектурным обликом церкви над склепом Полье***. При его создании приняты во внимание наиболее характерные черты баллады как жанра эпохи романтизма. На протяжении XIX века баллада меняла свой художественный облик. В первой трети этого столетия, в пору расцвета романтизма, она представляла собой фабульное стихотворение, содержащее элемент чудесного и ориентированное на тематический фонд фольклора или национальной истории. Некоторое время спустя «балладой стали называть всякую стихотворную повесть о чудесном, затем отпал и элемент фантастики, и под балладой стали понимать стихотворение с фабулой» [20: 191].

*** В балладах эпохи романтизма ситуация «разговор с духом покойного о его пребывании в потустороннем мире» также встречается (см., напр., балладу В.А. Жуковского «Замок Смальгольм, или Иванов вечер»).

Хронологически произведение Иваницкого относится ко второму этапу развития жанра, но жанровая модель, которая в нем используется для сатирической перелицовки парголового сюжета, более раннего происхождения. Это не случайно, поскольку именно в первой трети XIX столетия баллада была жанром новаторским, играла видную роль в литературном процессе и обладала настолько ярко выраженной художественной спецификой, что легко становилась объектом пародирования. Ее общепризнанным жанровым прототипом была «Ленора» Бюргера, многократно перепетая поэтами-романтиками и послужившая непосредственным источником трех произведений наиболее известного русского балладника В.И. Жуковского («Людмила», «Светлана», «Ленора»). Отдельные мотивы немецкого прототипа варьировались Жуковским и в других его балладах. Пародийная метакarakterистика внедренной им в русскую литературу баллады дана в комедии А.А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды» устами поэта Филкина, имеющего особое пристрастие к этому жанру: мертвец, увлекающий в гроб невесту, «И полночь, и петух, и звон костей в гробах, И, чу!.. все страшно в них» [22: 238].

Баллады Жуковского и в дальнейшем охотно использовались русскими поэтами как объект или средство пародирования («Новая Светлана» М.А. Дмитриева, «Югельский барон» М.Ю. Лермонтова, «Немецкая баллада» Козьмы Пруткова и др.). Баллада «Граф Адольф Польс» Н.А. Иваницкого стоит в этом ряду. Однако в ней пародируется не какое-то конкретное произведение Жуковского (у Лермонтова, например, это «Замок Смальгольм, или Иванов вечер», у Козьмы Пруткова «Рыцарь Тогенбург»), а комплекс образов-мотивов наиболее характерных для творческой манеры самого известного русского балладника. В этой балладе есть и полночь, и гроб, и мертвец, и его возлюбленная, и бряцание костей, и петух – весь набор атрибутов, названных в комедии Шаховского. Общий балладный колорит усилен эпиграфом из Эдгара По, обращение Иваницкого к творчеству которого можно расценивать как следствие его усиленных занятий английским языком в тотемской ссылке [11, кн. 3–4: 30–31]. Но, конечно, в данном случае на выбор источника для эпиграфа повлияла и сгущенная балладная образность, в этом источнике содержащаяся. В балладе По «Улялюм» фабульное начало ослаблено, в ней доминирует лирическая медитация (диалог между героем и его Душой) [15: 8] по поводу вечной разлуки с умершей возлюбленной. Но и ночной пейзаж, и склеп, и демоны, и тайна в тексте присутствуют. Сам же эпиграф («Ведь это – мечтанье! По-несемся в трепещущий свет» – пер. Л. И. Уманца) созвучен словам графини Шуваловой («Взгляни: меж деревьев как месяц блестит, А там вон звезда золотая... О, будь ты лишь ангел мой добрый со мной, Не надо б тогда мне и рая!»), провоцирующим графа-покойника на высказывание о загробном мире. Это высказывание – основная и самая значительная по объему часть произведения Иваницкого, в котором жанр баллады пародируется не

сам по себе, а как принадлежность старой дворянской культуры. Предпочтение, оказываемое выходцем с того света миру земному мотивировано его светскими привычками, свойственными аристократии старой, дореформенной России. Отсюда – архаизация облика покойного Полье (золотом шитый кафтан вместо камергерского или церемониймейстерского придворного мундира, вышедший из употребления к началу XIX века парик и побитый молью плащ), а также явный хронологический сдвиг – сорокапятiletнее пребывание графа в склепе****.

Монолог Полье в балладе – своеобразное выражение скептического отношения Иваницкого к учению церкви о жизни после смерти*****. При этом он апеллирует к творчеству близкого ему по духу и по взглядам Генриха Гейне. Отсылка эта осложнена тем, что упоминающий о «великом» немецком поэте персонаж попадает впросак из-за неспособности улавливать иронический подтекст, свойственный его произведениям. «Несравненные» описания рая, так чаровавшие графа в пору земного существования, содержатся в произведении Гейне «Идеи. Книга Le Grand», которое входит в цикл «Путевые картины»: «Там приводят время совсем великолепно, там всевозможные развлечения, там живет среди беспредельных радостей и удовольствий... С утра до вечера кушают, и кухня не хуже, чем в ресторане Ягора, жареные гуси летают всюду, держа в клюве чашечки с соусом, и чувствуют себя польщенными, когда их поедают; блестящие от масла сладкие пирожки растут на свободе, точно подсолнечники, везде протекают ручьи с бульоном и шампанским, везде деревья, на которых развеваются салфетки; и все кушают, и вытирают рот, и снова кушают, не расстроивая себе желудка, и поют набожные песни, или шутят и забавляются с милыми, нежными духами, или гуляют по зеленым полям, и в широких белых одеждах так привольно и хорошо, и ничто не нарушает чувства блаженства; никакой боли, никаких неудобств, до того даже, что когда кто-нибудь случайно наступит другому на мозоль и скажет “excusez!”, то этот другой улыбается неземною улыбкой и уверяет: “От твоего натиска, брат мой, совсем не больно – au contraire, мое сердце наполняется вследствие его еще более сладостным небесным блаженством”». (Перевод П.И. Вейнберга) [6: 205].

Картина рая у Гейне сконструирована по образцу мещанского представления о счастливой жизни. Примечательно, что главное место в ней отводится гастрономическим удовольствиям, т. е. телесным, а не духовным

**** Полье умер в 1830 году. Ночные посещения могилы графиней приходятся на первое время после его кончины (см. цитированный ранее дневник А.М. Грибовского). Баллада написана Иваницким спустя 39 лет. Получается, что автор отнес действие произведения к будущему, к 1875 году. Тем самым была увеличена временная дистанция между смертью персонажа и его явлением скорбящей супруге.

***** Об этой стороне его мировоззрения см.: 17: XV–XVI (первая пагинация).

радостям. Отдельные ее детали ассоциируются с раблезианской гротескной образностью. Рай здесь – это концентрированное воплощение земных благ, имеющих наибольшую ценность для обывателя. В сравнении со следующим далее изображением ада, также «гастрономически» уподобленного «огромной мещанской кухне», описание рая выглядит более выразительным в художественном плане и более заостренным сатирически. Поэтому не совсем оправданным представляется предпочтение, оказанное изображению ада, в писаревской обзорной характеристике данного произведения Гейне [18: 129].

В балладе Иваницкого упоминание о рае, изображенном Гейне, выполняет несколько функций. Во-первых, оно характеризует Полье-персонажа как приверженца земных радостей бытия. Во-вторых, при его посредстве разоблачается миф о райском блаженстве*****. В-третьих, благодаря ему обнаруживается наивность графа как читателя, неспособного понять игру смыслов в художественном тексте и воплощенную в этой игре авторскую позицию. В-четвертых, оно способствует дискредитации «подвига» графини Шуваловой, проводящей ночи в слезах и молитвах на могиле супруга. В-пятых, оно, возможно, является выражением автоиронии Иваницкого, для которого поиск «хлеба насущного» в вологодской ссылке становился порой делом первостепенной важности («я некоторое время буквально рисковал умереть с голоду» [11, кн. 2: 23]). И, наконец, в-шестых, контраст между земной жизнью и потусторонним опытом дает персонажу повод предпочесть магометанский рай христианскому. Привлекательность магометанского рая для героя баллады может быть опять-таки мотивирована ссылкой на творчество Гейне. В стихах немецкого поэта есть пример, где показано восточное представление о достижении райского состояния на земле:

Али-Бей, поборник веры,
В женских нежится объятьях;
На земле уж он Аллахом
Благ Эдема удостоен.

Одалиски, краше гурий,
Гибче серн его ласкают;
Бородой одна играет,
Нежно гладит лоб другая,

***** Жалобы Полье на голодное существование в загробном мире могут быть соотнесены с известными Иваницкому представлениями севернорусского крестьянства о рае: «В раю ничем не кормят, да и есть там не захочется “потому что там дух (т.е. запах) хорош, как в саду”» [12: 119].

Третья весело танцует
И поет под звуки лютни,
И целует прямо в сердце,
Где горит огонь блаженства.
(Перевод А.Я. Мейснера)
[5: 228.]

Здесь, как и в предыдущем примере из Гейне, райское благо представлено как наслаждение телесное, только на этот раз не «гастрономическое», а эротическое. Но и эта картина восточной райской неги окрашена иронией, поскольку для поэта любой рай – хоть магометанский, хоть христианский – всего лишь фикция, не имеющая ни малейшего отношения к действительности.

На связь баллады Иваницкого с творчеством Гейне указывает и один элемент ее стиховой организации. Она написана четырехстишной строфой, в которой чередуются строки четырех- и трехстопного амфибрахия. Такого типа строфа в балладах русских поэтов, хотя и нечасто, но использовалась («Куда так проворно, жидовка младая?» М.Ю. Лермонтова, «Три побоища» и «Канут» А.К. Толстого, «На борзом коне воевода скакал...» Д.Д. Минаева). Однако в ней, как правило, применялась сплошная перекрестная рифмовка (мжмж). У Иваницкого же рифмуются только второй и четвертый стихи, первый и третий – холостые (неполная рифмовка). Этот способ рифмовки в третьей четверти XIX столетия воспринимался как следование творческой манере Гейне [4: 196]. Так, Д.Д. Минаев писал по данному поводу:

От германского поэта
Перенять не в силах гений,
Могут наши стихотворцы
Брать размер его творений.

Пусть рифмует через строчку
Современный русский Гейне,
А в воде подобных песен
Можно плавать, как в бассейне.

Я стихом владею плохо,
Но – клянусь здесь перед всеми –
Напишу я тем размером
Каждый вечер по поэме...»

[16: 95–96.]

Способ рифмовки, примененный Иваницким в балладе «Граф Адольф Полье», использовался им и при переводе стихов самого Гейне (12-е стихотворение из цикла «Серафима»: «Wie schändlich du gehandelt...» – «Что

гнушно ты так поступала...» [11, кн. 2: 13 — Предисловие к «Запискам»]), и в собственной лирической поэзии («Эти бледные тихие ночи...», «Глядится полночь голубая...», «На Печоре» и др.). Он соответствовал общей тенденции русской поэзии 1860–1870-х годов к упрощению формы. Насмешка Минаева над «рифмовкой через строчку» не совсем справедлива, поскольку этот прием (как и ряд других) использовался его современниками (да и им тоже) с целью перенести акцент с формы стихотворного произведения на его содержание. Простотой стихотворной формы отличаются и произведения Иваницкого.

Рассмотрение баллады «Граф Адольф Полье» позволяет констатировать следующее:

- она является фактом культурной жизни тотемской ссылки середины XIX столетия и вместе с тем фактом истории литературы Вологодского края;

- ее понимание предполагает учет условий существования ссыльных в Тотьме, а также круга и характера их общения;

- она позволяет судить о мировоззренческой и литературной позиции автора как одного из представителей либерально-демократической интеллигенции пореформенного периода;

- произведение являет собой пример использования жанровой формы баллады для выражения либерально-демократической идеологии, для сатирических целей и для шутильной литературной игры;

- в балладе «Граф Адольф Полье» нашли отражение процессы, характерные для русской литературной жизни рубежа 1860–1870-х годов;

- баллада является фактом истории восприятия творчества Гейне в России.

Литература

1. Александрова А.М., Ерохина И.П. Адольф Полье и первые работы Александра Брюллова // История Петербурга. — 2003. — № 4.
2. Б.Г. Полье // Русский биографический словарь. — Т. 14. — СПб., 1905.
3. Воспоминания и дневники статс-секретаря Екатерины Великой А.М. Гривовского // Русский архив. — 1899. — Вып. 1.
4. Гаспаров М.Л. Очерк истории русского стиха. — М., 1984.
5. Гейне Г. Али-Бей // Гейне Г. Полн. собр. соч. — Изд. 2-е. — Т. 5. — СПб., 1904.
6. Гейне Г. Путевые картины. Ч. II. Идеи. Книга Ле-Гран // Гейне Г. Полн. собр. соч. — Изд. 2-е. — Т. 1. — СПб., 1904.
7. Гирс Д.К. Старая и юная Россия // Отечественные записки. — 1868. — № 4.
8. Гомер. Одиссея. — М; Л., 1935.
9. Давыдова О. Гире // Русский биографический словарь. — Т. 5. — М., 1916.
10. Дневник Кирилла Антоновича Березкина. — СПб., 2014.
11. Иваницкий Н.А. Записки // Север: Орган научного северного краеведения. — Кн. 2, 3–4. — Вологда, 1923.

12. Иваницкий Н.А. Материалы по этнографии Вологодской губернии. – М., 1890.
13. Иваницкий Н.И. Автобиография // Щукинский сборник. – Вып. 8. – М., 1909.
14. Каменская М.Ф. Воспоминания. – М., 1991.
15. Коноваленко А.Г. Баллады Э. По в переводе В. Брюсова. Автореф. канд. дисс. – Томск – 2007.
16. Минаев Д.Д. Собрание стихотворений. – Л., 1947.
17. Новиков Н.В. Н.А. Иваницкий и его фольклорное собрание // Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н.А. Иваницким в Вологодской губернии. – Вологда, 1960.
18. Писарев Д.И. Генрих Гейне // Писарев Д.И. Литературная критика: в трех томах. – Т. 3. – Л., 1981.
19. Пушкин А.С. Дневник 1833–1835 гг. // Пушкин А.С. Собр. соч.: в десяти томах. – Т. 7. – М., 1976.
20. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика. – 4-е изд. – М.; Л., 1928.
21. Тургенев И.С. Отцы и дети // Тургенев И.С. Собр. соч.: в двенадцати томах. – Т. 3. – М., 1976.
22. Шаховской А.А. Комедии. Стихотворения. – Л., 1961.